

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*На правах рукописи*

БИАНКИ Валентин Александрович

ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО  
ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Специальность 19.00.12 – Политическая психология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата психологических наук

Санкт-Петербург – 2006

Работа выполнена на кафедре политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: Доктор психологических наук, профессор  
Юрьев Александр Иванович

Официальные оппоненты: Член-корреспондент РАН,  
доктор психологических наук, профессор  
Петренко Виктор Федорович  
Кандидат психологических наук, доцент  
Наследов Андрей Дмитриевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный  
институт психологии и социальной  
работы

Защита диссертации состоится 27 декабря 2006 г. в 15 часов на заседании Диссертационного совета Д-212 232.54 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора психологических наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6, факультет психологии.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2006 г.

Учёный секретарь  
диссертационного совета,  
кандидат психологических наук

Н.О. Свешникова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность** данной работы обусловлена, прежде всего, политическими процессами, происходящими в России в середине 2000-х годов, которые берут начало в политической ситуации 1990-х годов и будут определять перспективы развития нации и российского государства как минимум в ближайшие 5-10 лет.

С середины 1990-х годов в политическом и экспертном дискурсе темы национальной идеи и гражданского общества занимают доминирующее положение. С нашей точки зрения, практическое содержание обоих этих понятий подразумевает преимущественно поиск системообразующих компонент структуризации нации. В эпоху СССР в большинстве национальных республик в значительной степени, несмотря на форсируемую высокую миграцию населения и пересмотр границ, существовала политическая самоидентификация на уровне республики, порой даже конкурировавшая с политической самоидентификацией на уровне СССР. В РСФСР же, в границах которой теперь существует Российская Федерация, политическая самоидентификация происходила, прежде всего, на уровне, ныне являющемся уровнем субъектов федерации. То есть житель Армянской ССР считал себя гражданином Армении и гражданином СССР, а житель Башкирской ССР – жителем Башкирии и гражданином СССР. С распадом СССР у жителя Армении исчезла идентификация с СССР, но осталась идентификация с новым государственным образованием – Арменией, а у жителей РСФСР идентификация с новым государством – Россией сформирована не была. В общем виде можно сформулировать это как отсутствие психологических факторов, обеспечивающих самоидентичность российской нации. Национальная идея в данном контексте может пониматься как идеологический компонент формирования нации, а гражданское общество – как структурно-политический компонент.

В середине 2000-х годов вступил в новую фазу законодательно форсируемый государственной властью процесс структуризации политического

пространства, прежде всего, ориентированный на увеличение роли политических партий. Юридическая регламентация данных действий была проведена в марте-июле 2005 года и включила в себя принятие следующих нормативных актов: Федеральный закон № 51 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18.05.2005, Федеральный закон № 85 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» от 06.07.2005, Федеральный закон № 93 «О политических партиях» от 21.07.05.

Специфика российской ситуации состоит в следующем: принципиально сжат временной период, в ходе которого происходит формирование политического пространства; формирование партийной системы носит форсируемый со стороны руководства государства характер; в политической практике и теории отсутствует четкое представление о том, каковы адекватные для России психологические и политические параметры политического пространства.

Выбор Санкт-Петербурга в качестве места проведения исследования обусловлен тем, что этот город в политике России всегда играл особую роль, часто являлся своеобразным экспериментальным полигоном для апробации политических проектов. С одной стороны, большинство специалистов в разных областях говорит о специфике Санкт-Петербурга, обусловленной его историей, а с другой стороны, результаты последних федеральных выборов 2003-2004 годов показывают незначительность отличий в системе политических предпочтений жителей города от среднероссийских. Очевидно, что без масштабных сравнительных исследований невозможно сделать достоверные выводы о специфических психологических характеристиках политического пространства Санкт-Петербурга, определяющих его отличие от других регионов. Однако, как минимум, изучение психологических коррелят политического пространства Санкт-Петербурга позволит сделать прогностические выводы о развитии политической системы города, что

особенно важно в связи с предстоящими выборами в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, которые, предположительно, пройдут в марте 2007 года по принципиально новой схеме, пропорциональной в своей основе, но включающей значимые элементы мажоритарной системы.

С точки зрения теоретического изучения психологических основ политики, принципиальным является решения вопроса о реконструкции, моделировании взаимосвязей тех психологических процессов, свойств и состояний, которые определяют политическое поведение населения. Большинство исследований в области политической психологии ограничиваются изучением взаимосвязей частных психологических феноменов, влияющих на политические явления: например, исследуется только категориальная структура сознания, но игнорируются поведенческие аспекты; или исследуется мотивация, не включающая анализ других факторов, прямо или косвенно определяющих поведение. С другой стороны, прямое изучение вовлеченности людей в политику, практикуемое в бихевиоральном подходе, предполагает лишь формализованный анализ роли политического человека в политическом явлении, таким образом, исключая даже претензию на определение причинности этого поведения.

**Целью работы** является создание психологической модели политического пространства на примере Санкт-Петербурга.

К основным **задачам** работы относятся:

- изучение междисциплинарного понимания термина «политическое пространство»;
- определение психологических составляющих политического пространства;
- определение методологических требований к изучению политического пространства;
- разработка методического комплекса, включающего методы изучения психологии политического сознания и поведения, позволяющего смоделировать политическое пространство;

- оценка валидности предложенного методического комплекса путем определения его прогностической силы;

- апробация предложенного методического комплекса для моделирования политического пространства Санкт-Петербурга и среднесрочного прогнозирования перспектив его развития.

**Предметом** исследования является психология политического пространства, формируемая политическими сознанием, поведением, взаимодействием, эмоциями и установками и психическими состояниями.

**Объектом** исследования стали жители Санкт-Петербурга старше 18 лет, размер выборки составил 678 человек. Выборка была построена по квотному принципу, с квотированием в соответствии с распределением населения города по половозрастным стратам согласно данным Государственного статистического комитета.

**Теоретико-методологическую основу** исследования составили следующие концепции:

- концепция социального пространства и политического поля Пьера Бурдьё;
- работы по политическим партиям Мориса Дюверже;
- принцип единства личности, сознания и деятельности (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн);
- разработки в области семантического подхода к изучению содержания и категориальной структуры политического сознания В.Ф.Петренко;
- концепция политического общества, системный подход к политической психологии, концепции психических состояний и жизненных пространств А.И.Юрьева.

**Состояние проблемы.** На сегодняшний день наблюдается высокая сегментированность научного знания, посвященного политическому человеку. Существует широкий круг направлений исследований, посвященных отдельным психологическим феноменам или политическим явлениям, но в значительной степени отсутствуют интегративные модели, объясняющие

взаимное соотношение этих компонентов. Кроме того, можно констатировать принципиальное расхождение направлений исследований психологического и политологического характера. Например, такой концепт как политическое участие, являющийся одним из доминирующих в политологии и политической социологии (С.Верба, Н.Ни, Г.Алмонд), с помощью которого объясняется суть как классических, так и современных моделей политического устройства общества, в значительной степени остается вне поля активного внимания политической психологии. В то время как именно исследование психологических предпосылок политического участия позволяет делать обоснованные научные прогнозы о возможности реализации того или иного политического явления и, в конечном итоге, изменения политической системы общества. С другой стороны, собственно пространственные исследования и моделирование психологических оснований политических явлений не являются активно развиваемым направлением. Реализуемые в его рамках работы (В.Ф.Петренко, О.В.Митина) предполагают более узкое понимание, оставаясь преимущественно в рамках психологии сознания.

**Гипотезы исследования:**

1. Политическое пространство есть феномен, определяемый психологическими характеристиками населения.
2. Реализуемое политическое поведение как политический феномен определяется сочетанием таких психологических компонент политического пространства, как политическое поведение, политическое сознание, политические эмоции и политическое взаимодействие.
3. Характеристики индивидуальной позиции человека в политическом пространстве определяют его электоральный выбор.
4. Существующая система политической организации общества, понимаемая как система политических партий, не соответствует психологическим параметрам политического пространства.
5. Социально-демографические характеристики человека значимо влияют на его позицию в политическом пространстве.

6. Исследование политического пространства позволяет прогнозировать возможность изменения системы политической организации общества.

**Методы**, использованные в работе:

- метод семантического дифференциала Ч.Осгуда в авторском варианте;
- метод анкетирования (авторский опросник);
- методы математико-статистической обработки данных (первичные статистики, меры проверки достоверности различий, факторный анализ, дискриминантный анализ, дисперсионный анализ, множественный регрессионный анализ, категориальный регрессионный анализ).

**Положения, выносимые на защиту**

1. Политическое пространство является психологически обусловленным феноменом, определяемым рядом взаимосвязанных компонентов структурного (политические эмоции, политическое поведение, политическое взаимодействие, политическое сознание) и динамического характера (психические состояния). Компонентом психики, интегрирующим частные структурные компоненты политического пространства, являются политические установки.
2. Политическое пространство может быть смоделировано на основе изучения составляющих компонент, операционализированных соответственно как политическое участие, политическое взаимодействие, политическое отношение и категориальная структура политического сознания. Динамические характеристики позиции человека в политическом пространстве определяются его психическими состояниями.
3. При изучении психологических оснований политического пространства и моделировании его структуры, возможно использование метода семантического дифференциала с содержательным наполнением шкал, отражающим элементы установок, соответствующие компонентам политического пространства.

4. Психологическая модель политического пространства, включающая структурные и динамические компоненты, позволяет прогнозировать общие характеристики политического и электорального поведения населения.
5. Психологические характеристики населения позволяют предположить возможность массового роста реальной численности политических партий, основным ограничением которой является неудовлетворенность существующей партийной системой.
6. Психологический профиль сторонников партий более гомогенен, чем социально-демографический.

**Научная новизна и теоретическая значимость** данного исследования определяется тем, что, в отличие от работ, лежащих в рамках политологии и социологии (П.Бурдье, Г.Зиммель, Ф.Бродель, И.Гофман, А.Гидденс), в данной работе политическое пространство интерпретируется как психологически обусловленный феномен, что означает обретение этим термином несколько большей объективности в силу указания его субстрата.

С другой стороны, новизна работы может быть показана путем сравнения с традиционными для психологии концепциями психологических пространств. В отличие от исключительно семантических концепций, с которыми работа имеет схожий метод (Ч.Осгуд, Дж.Келли, В.Ф.Петренко), в данной работе предпринимается попытка описать всю совокупность психологических процессов и состояний, определяющих такой пласт социальной реальности как политические явления. Именно требование комплексности привело к необходимости учесть такие разнородные психологические феномены как эмоции, взаимодействие, поведение и сознание, которые в данной работе оказываются рядоположенными – в качестве компонентов политического пространства. Переход к психологической интерпретации также привел к выделению динамических и структурных компонентов политического пространства.

Результаты работы позволяют соотнести определенные политологические концепты – как классические (политическое участие), так и относительно новые (сетевое политическое взаимодействие) – с психологическими категориями не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне.

Применение методов дисперсионного и дискриминантного анализа для обработки результатов применения методики семантического дифференциала позволило повысить интерпретационные возможности метода семантического дифференциала.

Представляется, что значимость работы для политической психологии заключается во включении в его предметную область такого феномена как политическое пространство. В отличие от концепции жизненных пространств А.И.Юрьева, основанной на теории поля Курта Левина, в данной работе предпринимается попытка отталкиваться в построении модели не от психологических феноменов, а от политических явлений. Соответственно, акцент в работе делается не на изучении причинности (потребностей и мотивов), а на описании совокупности психологических феноменов, влияющих на структуру политического пространства. При этом, общая структура модели и взаимное соотношение компонентов являются не априорными, а определяются в процессе эмпирического исследования.

Также новизна работы заключается в том, что она соотнесена с конкретным временным периодом и территорией: в работе разработана актуальная психологическая модель политического пространства в условиях изменения юридических и политических характеристик политической системы России.

#### **Методическая и практическая значимость результатов исследования.**

Метод семантического дифференциала, выбранный в качестве ключевого метода исследования, обладает существенной прогностической силой в предсказании электоральных предпочтений, что является важным свидетельством валидности моделирования на его основе политического пространства. Исследование подтверждает многие из известных характеристик политической сферы в современном российском обществе – и низкий уровень

политического участия, и неудовлетворенность существующей партийной системой. При этом, данное исследование, во-первых, показывает психологическую обусловленность этих явлений, а во-вторых, намечает пути возможного преодоления имеющихся негативных явлений. Используемый в диссертации методический подход позволяет подробно проинтерпретировать психологические отличия сторонников партий.

Результаты использования нетрадиционных методов обработки анкетного опросника (анализа шкал с помощью факторного анализа) и использование методов дисперсионного и дискриминантного анализа для данных, полученных методом семантического дифференциала, обладая высокой степенью методической корректности, позволяют получить более валидные и подробные результаты, чем в случаях применения классических методов обработки данных (например, описать содержательные отличия электоратов партий в полученном факторном пространстве).

Использование в исследовании квотной выборки, репрезентирующей население Санкт-Петербурга, несмотря на ее несколько меньший объем, чем в традиционных социологических исследованиях, позволило выносить суждения не только в рамках определения психологических зависимостей и закономерностей, но и говорить об актуальных политических реалиях.

### **Апробация работы**

Основные положения диссертационного исследования обсуждены на заседаниях кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, изложены в 6 публикациях общим объемом 6,6 / 10,9 п.л., а также отражены в выступлениях автора на следующих научно-практических конференциях:

1. V Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Психология XXI века», факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2005 год

2. Международная научно-практическая конференция «Психология власти», Санкт-Петербургский государственный университет, 2005 год

3. Международная студенческая научная конференция «Реальный и виртуальный мир нового тысячелетия», Санкт-Петербургский государственный университет, 2002 год

4. II Всероссийская научно-практическая конференция «Выборы в Российской Федерации», Санкт-Петербург, 2002

5. II Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Психология XXI века», факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2002 год

6. Международная студенческая конференция «Психология: грань между целым», Самарский государственный университет, 2001 год.

Также материалы, послужившие основой диссертационного исследования, были презентованы на круглом столе в Информационном агентстве «Росбалт» «Выборы в Законодательное Собрание Петербурга 2007 года: прогноз ученых» 04.04.2006. Данная презентация прошла с участием депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, ряда экспертов и представителей СМИ и повлекла за собой освещение во многих ведущих петербургских СМИ.

Результаты исследования прошли апробацию в ходе консультаций по проведению избирательных кампаний в ряде регионов России.

Основные результаты исследования, после апробации работы, были использованы в курсах лекций как академического характера (семинары по курсу «Экспериментальный дизайн психологического исследования» на факультете психологии СПбГУ), так и прикладного (лекции членам молодежных движений «Наши» и «Молодая Гвардия», членам региональных отделений ряда политических партий по политической активности, партийному строительству и партийным избирательным кампаниям).

Можно предположить, что данные, полученные в ходе диссертационного исследования, будут полезны как для специалистов, заинтересованных в изучении политической структуры общества и политической системы в целом, так и для политических деятелей – в качестве источника рекомендаций по

адаптации своей политической позиции к существующему политическому пространству.

### **Структура и объем диссертации**

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, глоссария, списка литературы и приложений. Общий объём диссертации составляет 153 страницы. Работа включает 50 таблиц, 15 иллюстраций, 6 приложений на 13 страницах. Список литературы насчитывает 145 источников, 59 из них на иностранном языке.

### **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются цель, предмет, объект исследования, формулируются задачи, описываются использованные методы, раскрываются научная и методологическая новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

**Первая глава** состоит из 4 разделов и посвящена терминологическому определению понятия «политическое пространство» и определению методологических подходов к его исследованию.

Излагаются методологические основания исследования, в том числе представление процесса научного познания как моделирования (М.Вартофский, 1998; А.И.Уемов, 1971), оснований системного подхода в психологии (В.А.Ганзен, 1974), субъективизма психологических исследований.

Рассматривается понимание термина «политическое пространства» с точки зрения как классиков зарубежной философии (Ш.Монтескье, А.Р.Ж.Тюрго, К.Риттер, Г.Т.Бокль, М.Хайдегер) и социологии (Ф.Бродель, 1994; П.Бурдьё, 1993; Э.Дюркгейм; И.Гофман; А.Гидденс; Simmel G., 1992), так и современных исследователей (А.Бибков, 2002; С.А.Королев, 1997; А.Венгеров, 1992).

Из рассмотрения, в силу специфики предметной области, исключаются непосредственно географические аспекты понимания политического пространства. Выделяются три подхода к пониманию термина «политическое пространство»: пространство политических актов (понимаемое как пространство политического поведения); пространство политических идей (понимаемое как пространство политического сознания); и пространство политического взаимодействия и политических институтов (понимаемое как пространство политического общества).

Далее проводится анализ пространственных исследований в психологической науке, с акцентом на рассмотрение психосемантических концепций: семантического дифференциала (Osgood C. et al., 1957), теории конструкторов (Дж.Келли, 2001) и собственно интегративной концепции психосемантики (В.Ф.Петренко, 1997). Другой значимый блок представлен теорией психологического поля (К.Левин, 2001).

Также на примере феномена общественного мнения проводится обоснование корректности рассмотрения термина «пространство» применительно к психологии социальных групп, то есть перехода от индивидуальных психологических пространств к коллективным. Сделана попытка проследить психологические основания этого феномена в работах отечественных психологов, напрямую им не занимавшихся (В.Лефевр, 2003; В.Ф.Петренко, 1997; Т.Шибутани, 1969), также приводятся точки зрения российских социологов (Д.П.Гавра, 1995), подробно рассмотрена критическая точка зрения П.Бурдые (1993).

Делается вывод о возможности психологической интерпретации феномена политического пространства.

**Вторая глава** диссертации состоит из 4 разделов и посвящена рассмотрению составных психологических подструктур политического пространства, а также конструированию его единой теоретической модели. В ней последовательно определяется и рассматривается пространство

политического поведения, пространство политического взаимодействия, пространство политического сознания.

Рассмотрение феномена политического поведения и операционализация его как политического участия основывается, прежде всего, на работах отечественных и зарубежных политологов и социологов, так как сам концепт политическое участие традиционно рассматривается именно в русле этих дисциплин (Almond G., Verba S., 1963; Lipset S., 1981; Зоркая Н., 1999; Шевченко Ю., 1998; Гельман В.Я., 2000; Е.Ю.Мелешкина, 2001). Отдельно рассмотрены собственно психологические концепции оснований политической активности – как зарубежные (S.Renshon, 1974; Campbell A. et al., 1957), так и отечественные (концепция А.И.Юрьева, основанная на психологической теории деятельности Г.В.Суходольского; концепция Г.Г.Дилигенского).

Вводится категория политического взаимодействия, которое основывается на концепции сетевой организации. Рассматривается концепция сетевого общества Мануэля Кастельса, приводятся результаты разработок по сетевой организации Л.В.Сморгунова. Описаны результаты авторских теоретических разработок по свойствам и формам сетевой организации.

Обосновывается доминирующая роль политических партий в политике. Рассматриваются представления о партиях классиков зарубежной политологии (П.Бурдьё, 1993; М.Вебер, 1990; М.Дюверже, 1998), дается описание понимания политических партий с точки зрения современной российской политической психологии (А.И.Юрьев, 1992, 1996).

Делается вывод о том, что политические партии являются высшей формой институализированного политического взаимодействия. Приводится теоретическая модель пространства политического взаимодействия, включающая непосредственное взаимодействие людей и опосредованное – через каналы массовой коммуникации.

Далее описываются основные подходы к изучению политического сознания, как общепсихологические условно когнитивистско-семантические концепции (Л.Фестингер, Дж.Келли, Ч.Осгуд), современные точки зрения

ведущих отечественных специалистов (В.М.Аллахвердов, 1998), приводятся традиционные для отечественной политической социологии и политической психологии точки зрения (Е.Ю.Мелешкина, 2001; Е.Б.Шестопал, 1998).

Проводится операционализация политического сознания в целях изучения политического пространства, во внутренней структуре которого выделяется категориальная система, а во внешней – система политических убеждений.

Затем в теоретическую модель вводится такой элемент как политические установки, понимаемые как интегративная структура, связующая компоненты политического пространства. Рассматривается понимание роли установок с точки зрения общей психологии (Л.Ланге, Г.Мюллер), социальной психологии (У.Томас, Ф.Знаецкий, Т.Терстоун, А.Г.Асмолов), грузинской школы изучения установок (И.Т.Бжалава, 1965; И.В.Имедадзе, 1984; А.С.Прангишвили, 1967), отечественной и зарубежной политической психологии и социологии (Г.Айзенк, М.Розенберг и К.Ховланд, Е.Б.Шестопал, В.А.Ядов).

В силу наличия эмоционального компонента в структуре установки, в теоретическую модель политического пространства вводятся политические эмоции, которые операционализируются как система эмоциональных отношений к политическим стимулам.

В заключительном разделе второй главы приводится систематизация психологических компонентов политического пространства методом пентабазисов, а также обосновывается необходимость дополнения изучения структуры политического пространства исследованием динамических компонент, в качестве которой выбрана система психических состояний.

При разложении структурных компонентов политического пространства по категориям антропологического пентабазиса, проводится соотнесение политических эмоций с уровнем индивида, политического взаимодействия – с уровнем личности, политического поведения – с уровнем субъекта, и политического сознания – с уровнем индивидуальности.

Политическое пространство определяется как психологическое пространство существования населения, в котором реализуется политическая

активность, действия, поведение и деятельность. Политическое пространство имеет структурные и динамические компоненты, а позиция в нем индивида определяет его электоральный выбор.

В конце второй главы приводятся основные выводы теоретической части работы.

В **третьей главе**, состоящей из 4 разделов, описан процесс формирования программы эмпирического исследования психологических составляющих политического пространства, основанный на современных методических изысканиях зарубежных и отечественных авторов (C.J.Anderson, J.K.Vermunt, 2000; L.A.Goodman, 1987; M.J.Greenacre, 1993; T.Meiser, M.Hewstone, 2001; D.M.Riefer, W.H.Batchelder, 1988; S.Millett, E.A.Honton, 1991; D.S.Walonick, 1999; В.Л.Волохонский, 2001).

В первом разделе главы раскрываются следующие критерии выбора методов исследования:

1. Методы должны принадлежать к одному методологическому подходу.
2. Методы должны в минимальной степени предопределять итоговую структуру модели
3. Краткость методик или их ориентация на интуитивное заполнение.
4. Методы должны предполагать оперирование существующими политическими явлениями.
5. Методы должны предполагать выделение осей пространства, интерпретация которых не в полной мере заложена в содержательном наполнении методик.
6. Методы должны допускать тестирование направленности причинно-следственных связей.

Делается вывод о том, что ключевой метод исследования должен предполагать методику классификации политических явлений и объектов и выделения определенной системы координат. Ключевым методом исследования выбирается метод семантического дифференциала, неспособность которого определять причинно-следственные взаимосвязи

компенсируется расширенной трактовкой метода и применение неклассических методов математической обработки результатов его применения.

Далее рассматривается процедура формирования первой части исследовательской методики – анкетного вопросника. В третьем разделе описывается процедура отбора шкал и формирования вариантов бланка для методики семантического дифференциала. В заключительном разделе главы описана процедура преобразования данных, проведенная перед их обработкой.

В **четвертой главе**, состоящей из 4 разделов, представлены анализ и обсуждение результатов эмпирического исследования политического пространства Санкт-Петербурга.

В *первом разделе* приведены частные результаты исследования уровня политического участия и потенциала политического взаимодействия.

Приводятся одномерные распределения ответов на вопросы анкетной части методики. Данные ответов на вопросы, нацеленные на измерение компонентов политического участия и политического взаимодействия, пересчитываются в комбинированные шкалы с помощью метода анализа главных компонент. Затем анализируется распределение высчитанных оценок респондентов по шкалам политического взаимодействия и политического участия.

Делается вывод, что по уровню политического участия сторонников лидируют партии «Яблоко» и КПРФ. Сторонники «Партии пенсионеров» обладают крайне низким уровнем политического участия (в среднем он ниже, чем в группе тех, кто не пойдет голосовать), сторонники «Единой России» – умеренно высоким. По среднему уровню активности политического взаимодействия лидируют группы сторонников партий СПС и «Яблоко», на следующем уровне – «Родина – РПЖ», КПРФ и «Единая Россия» и «Партия пенсионеров». Отметим, что затруднившиеся с ответом о своем электоральном выборе обладают невысоким (средним) уровнем активности политического взаимодействия, приближаясь по этому параметру к сторонникам «Единой России». С учетом относительного размера этой группы, такие данные говорят о ее высоком электоральном потенциале.

Делается вывод о взаимосвязанности, но содержательном отличии параметров политического участия и политического взаимодействия.

Во *втором разделе* приводятся результаты психологического моделирования политического пространства. В результате моделирования, была получена пятифакторная структура, объясняющая 59% дисперсии исходных данных.

В соответствие с содержанием образующих его шкал, первый фактор (объясняет 16% дисперсии) был назван «Эмоциональная расположенность».

Второй фактор мы назвали «неучастие». Этот фактор объясняет 14% дисперсии исходных данных. Очевидно, что высокие оценки по шкалам, вошедшим в положительный полюс фактора, и низкие оценки по шкалам, вошедшим в отрицательный полюс фактора, прежде всего, предполагают отказ от проявлений политического участия. Первые два фактора по своему содержанию очень близки факторам «оценка» и «активность» классической триады Осгуда, которая для политических объектов сводится к диаде.

Третий фактор был назван «Астеничный скептицизм», он объясняет 11% дисперсии данных. Отметим, что в фактор со значительными нагрузками входят такие шкалы как (названия шкал «перевернуты») растерянность, утомленность и замкнутость – этим объясняется включение в название понятия «астения». Для отражения в названии фактора представления респондента о перспективах партии (они предполагают некий уровень рационализации представлений, с учетом негативного характера оценки этих перспектив), в название фактора было включено слово «скептицизм». Таким образом, у третьего фактора два аспекта значения.

Четвертый фактор, который объясняет 9% дисперсии, назван «Напряженный дискомфорт», и его можно назвать «однозначным» фактором.

Пятый фактор получил название «Информационная закрытость». Этот фактор объясняет 8% дисперсии, и, за исключением шкалы «Если кандидат, которого я уважаю, будет баллотироваться от этой партии, я не буду за него

голосовать (буду голосовать)», также может быть отнесен к категории однозначных.

В *третьем разделе* полученные результаты анализируются на предмет оценки независимости структуры факторного пространства, то есть проводится процедура внутренней валидации данных.

Проведенный анализ влияния социально-демографических параметров на политическое пространство показал, что из всех переменных только переменные «возраст» и «доход» значимо влияют на факторную структуру, хотя влияние переменных «образование» и «сфера занятости» относительно близки к критическому порогу значимости  $p=0,05$ . Другие переменные, характеризующие профиль респондента, и их комбинации, значимо не влияют на параметры политического пространства.

Анализ средних показал, что с возрастанием доходов люди все более склонны игнорировать политическую жизнь, а люди со средним уровнем доходов менее всего склонны проявлять пессимизм и бездеятельность.

Анализ средних значений фактора 5 в возрастных группах показал, что с увеличением возраста до какого-то момента происходит «нарастание интровертности». В целом, это согласуется с общеизвестным фактом, говорящим о том, что молодежь и старики – наиболее коммуникативно активные группы.

Делается вывод, что социально-демографические параметры респондента в среднем не оказывают доминирующего влияния на политическое пространство. Это говорит о том, что классическая социологическая парадигма проведения опросов общественного мнения и обработки их данных в разрезе исключительно социально-демографических страт должна быть признана не отражающей реальной структуры политического пространства.

В *четвертом разделе* главы полученные результаты анализируются как с точки зрения их прогностической ценности (для определения системы электоральных предпочтений), так и исходя из диспозиции электоральных

групп в политическом пространстве. Четвертый раздел служит для внешней валидации всего исследования.

Метод категориальной регрессии, разработанный на факультете социальных и поведенческих наук Лейденского университета в Нидерландах, показал низкие прогностические возможности созданной модели политического пространства: скорректированный коэффициент множественной детерминации  $R^2$  составляет всего 0,113. Это означает, что модель политического пространства объясняет всего 11% ответов на вопрос об электоральном выборе.

При применении метода дискриминантного анализа, для 64,5% случаев были получены правильные предсказания электоральных предпочтений, основанные на факторных оценках. Наибольшие доли ошибок были получены для «малых партий». Вероятно, достаточно высокая доля ошибочных ответов объясняется недостаточным размером выборки или недостаточной полнотой факторной структуры.

Делается вывод о том, что теоретическая и эмпирическая модель политического пространства обладает высокой прогностической силой в отношении электоральных предпочтений, и о большей адекватности применения метода дискриминантного анализа по сравнению с категориальной регрессией.

Далее проводится анализ положения электоральных групп в политическом пространстве, для чего используются результаты дискриминантного анализа (по причине чрезмерной дисперсии факторных оценок использовать усредненные данные непосредственных результатов факторизации невозможно). Основанием для этого, в частности, служит почти полное попарное совпадение факторов и канонических функций.

По фактору 1 «эмоциональная расположенность» (функция 5) полученные отличия указывают, прежде всего, на лидерство партии КППФ по критерию степени эмоциональной заряженности ее сторонников. На условном втором месте по этому фактору – партия «Яблоко». Наименее эмоционально

окрашенную позицию занимают затруднившиеся дать ответ на вопрос об электоральном выборе. Во многом это свидетельствует о том, что причиной такого ответа этой группы респондентов является определенное эмоциональное безразличие, по крайней мере, по отношению к имеющимся партийным брендам.

По фактору 2 «неучастие» (функция 1) кроме очевидного результата (высоких оценок по данному фактору группы респондентов, которые не пойдут голосовать) следует также отметить очень низкие оценки группы затруднившихся ответить на вопрос об электоральном выборе, низкие оценки сторонников ЛДПР, и достаточно низкие – сторонников «Единой России».

По фактору 3 «астеничный скептицизм» (функция 2) мы получили на одном полюсе (низкие значения фактора указывают на низкую склонность проявлять скептицизм и астеничность) сторонников партий ЛДПР и Родина – РПЖ, а на другом полюсе (высокие значения фактора) – сторонников партии «Единая Россия».

По фактору 4 «напряженный дискомфорт» (функция 4) все категории респондентов с очевидностью разбиваются на две группы: низкие оценки получили сторонники КПРФ и затруднившиеся ответить, а высокие – сторонники остальных партий и те, кто не собирается идти голосовать. Таким образом, можно говорить о том, что наименьший дискомфорт и напряжение испытывают находящиеся в состоянии выбора и сторонники КПРФ.

По фактору 5 «информационная закрытость» (функция 3) наименьшие оценки получили сторонники «Родины – РПЖ», а средние – сторонники «Яблока». Это означает, что, прежде всего, сторонники этих двух партий расположены к общению.

Делается вывод об адекватности полученных результатов имеющимся в экспертной среде представлениям о характеристиках сторонников партий.

В **гlossарии** приведены определения основных терминов, используемых в работе.

**Результаты эмпирического исследования** позволили сделать следующие выводы:

1. По среднему уровню активности политического участия сторонников лидируют партии «Яблоко» и КПРФ, сторонники «Партии пенсионеров» характеризуются крайне низким уровнем политического участия (в среднем он ниже, чем в группе тех, кто не пойдет голосовать), сторонники «Единой России» – умеренно высоким.

2. По среднему уровню активности политического взаимодействия лидируют группы сторонников партии СПС и «Яблоко», на следующем уровне – «Родина – РПЖ», КПРФ и «Единая Россия» и «Партия пенсионеров». Затруднившиеся с ответом о своем электоральном выборе обладают невысоким (средним) уровнем активности политического взаимодействия, приближаясь по этому параметру к сторонникам «Единой России». С учетом относительного размера этой группы, такие данные говорят о ее высоком электоральном потенциале.

3. Политическое участие и политическое взаимодействие являются взаимосвязанными, но различными по содержанию параметрами.

4. Пятифакторная модель политического пространства описывает около 60% дисперсии полученных данных. Наиболее значимые по весу факторы – «эмоциональная расположенность» и «неучастие» по смыслу полностью соответствуют результатам классических исследований Осгуда, в которых для политических объектов были выделены 2 доминирующих фактора – оценка и активность.

5. Динамические и структурные компоненты определяют политическое пространство в равной степени, при этом каждый из наборов шкал преимущественно определяет по два фактора в факторной модели, а один фактор объясняется в равной степени двумя наборами шкал. Это говорит о том, что факторная модель в достаточной степени отражает различия между динамическими и структурными характеристиками политического пространства.

6. Относительно наибольший вес в политическом пространстве имеют мотивационные и практические состояния психики, гуманитарные же состояния практически не представлены.

7. Психические состояния, соответствующие различным уровням жизненного пространства (физическое, правовое, экономическое, информационное), влияют на итоговую структуру примерно в равной степени.

8. Точность предсказания электоральных предпочтений, основывающаяся на индивидуальной позиции респондента в политическом пространстве, в целом составляет 65%.

9. Данные по электоральным предпочтениям, полученные в ходе исследования, соответствуют данным многих исследователей электоральных предпочтений жителей Санкт-Петербурга, что подтверждает общую валидность результатов.

10. Каждый фактор политического пространства вносит различный вклад в прогнозирование принадлежности к той или иной электоральной группе, что говорит о различных психологических характеристиках сторонников разных партий.

11. Из социально-демографических параметров только переменные «возрастная группа» и «уровень доходов» значимо влияют на факторную структуру. С возрастанием доходов люди более склонны игнорировать политическую жизнь, а люди со средним уровнем доходов менее всего склонны проявлять пессимизм и бездеятельность. С увеличением возраста до какого-то момента происходит «нарастание интровертности».

12. В целом, социально-демографические параметры респондента не оказывают доминирующего влияния на политическое пространство, что подчеркивает необходимость включения психологических параметров в классические опросы общественного мнения.

13. Анализ результатов положения электоральных групп в факторном пространстве позволяет содержательно описать психологические

характеристики электората партий. Приведем краткий психологический портрет сторонников основных партий.

- a. Сторонники партии ЛДПР характеризуются низкой эмоциональной расположенностью, высоким уровнем участия, низким уровнем скептицизма и астении, высоким уровнем напряженности и дискомфорта, высоким уровнем информационной закрытости.
- b. Сторонники партии «Единая Россия» характеризуются низкой эмоциональной расположенностью, относительно высоким уровнем политического участия, высоким уровнем скептицизма и астении, высоким уровнем напряженности и дискомфорта, высоким уровнем информационной закрытости.
- c. Психологический профиль положения сторонников объединения «Родина – Российская партия ЖИЗНИ» в политическом пространстве характеризуется низким уровнем эмоциональной расположенности, низким уровнем скептицизма и астении, высоким уровнем напряженности и дискомфорта, низким уровнем информационной закрытости.
- d. Сторонники партии «Яблоко» могут быть описаны следующим набором характеристик: умеренная эмоциональная расположенность, высокий уровень напряженности и дискомфорта, средний уровень информационной закрытости.
- e. Сторонники партии КПРФ с точки зрения положения в политическом пространстве обладают высокой эмоциональной расположенностью, низким уровнем напряженности и дискомфорта, высоким уровнем информационной закрытости.

#### ОБЩИЕ ВЫВОДЫ РАБОТЫ:

1. Ход любого исследования, и, во многом, его результаты, предопределяются теоретико-методологическим комплексом, понимаемым как модель исследуемого объекта. Прогнозирование является основным способом

верификации теоретико-методического комплекса, критерием валидности созданной модели.

2. Политическое пространство представляет собой психологическое пространство существования населения, в котором реализуется политическая активность, труд и работа, поведение и деятельность.

3. Политическое пространство определяется структурными и динамическими компонентами. Структурные компоненты политического пространства характеризуются политическими эмоциями, взаимодействием, поведением и сознанием. Функцию интеграции структурных компонентов политического пространства играют политические установки.

4. При соотнесении структурных компонент политического пространства с категориями антропологического пентабазиса, политические эмоции соотносятся с уровнем индивида, политическое взаимодействие – с уровнем личности, политическое поведение – с уровнем субъекта, политическое сознание – с уровнем индивидуальности.

5. Роль динамической компоненты политического пространства играет система психических состояний.

6. Среди всех структурных элементов политического пространства наименее влияющим на его структуру является политическое сознание, что подтверждает распространенное мнение о нерациональности политического поведения населения.

7. Созданная модель политического пространства обладает приемлемо высокой прогностической силой и позволяет прогнозировать электоральные предпочтения.

8. Психологические характеристики населения позволяют предположить возможность массового роста реальной численности политических партий, основным ограничением которой является неудовлетворенность существующей партийной системой.

9. Психологический профиль сторонников каждой из основных партий относительно гомогенен, а профили сторонников различных партий значительно отличаются.

10. Социально-демографические отличия сторонников партий в меньшей степени влияют на их электоральный выбор, чем позиция в политическом пространстве, определяемая психологическими факторами.

11. Доминирующими факторами в политическом пространстве являются «эмоциональная расположенность» и «неучастие», по смыслу полностью соответствующих результатам классических исследований Ч.Осгуда.

12. Динамические и структурные компоненты определяют политическое пространство в равной степени, характеристика их воздействия различна.

**В заключении** подводятся итоги выполненной работы, рассматриваются перспективы дальнейших исследований в области моделирования политического пространства и изучения его психологических компонент.

В конце XX века темпы изменения мировой политической ситуации продолжили ускоряться. Россия в этот период пережила существенные политические, а, как следствие, и экономические катаклизмы, которые стали значительным испытанием адаптационных способностей населения. Многие не выдержали этих изменений, не справилась с ними и политическая система.

Высокий уровень взаимодействия граждан и политического участия призваны служить залогом стабильности социально-политической системы общества, понимаемой нами как политическое пространство. В данной работе была продиагностирована роль различных психологических компонент политического пространства и создана его модель.

С одной стороны, результаты исследования подтверждают многие традиционные пессимистические взгляды экспертов и исследователей, например, о малом значении идеологических и большом значении эмоциональных факторов в электоральном выборе и о неудовлетворенности населения существующей системой политических партий. С другой стороны,

полученные данные дают возможность говорить о том, что население не игнорирует сферу политического как таковую, а, скорее, пока не готово включиться в существующую политическую систему.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод об адекватности предложенного теоретико-методического комплекса для изучения феномена политического пространства, но показывают, что для полноты модели ее необходимо дополнять другими методами – как получения информации, так и, возможно, ее обработки.

Дальнейшее исследование структуры и динамики политического пространства следует проводить в направлении перехода к анализу частных пространств социально-демографических групп, анализу взаимосвязей потребностно-мотивационной сферы человека и его позиции в политическом пространстве, определению профиля потенциальных новых партий. Такие исследования помогут выработать рекомендации для политических партий по развитию в России эффективного политического общества, без которого невозможно обеспечить реальный суверенитет страны и ее конкурентоспособность в условиях глобализации.

Основные материалы диссертационного исследования изложены в следующих **публикациях**:

1. Политическое пространство как психологический феномен // Вестник Петербургского университета, сер.6. 2006, вып.3, С.151-157, 0,25 п.л.
2. Психология партстроительства: перспективы партий в России // Стратегическая психология глобализации (Психология человеческого капитала) / под ред. А.И.Юрьева, СПб, 2006, С.228-247, 0,45/0,9 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)
3. Исследования в партийных избирательных кампаниях и партстроительстве // Стратегическая психология глобализации (Психология человеческого капитала) / под ред. А.И.Юрьева. – СПб, 2006, С.211-227, 0,35/0,7 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)

4. Практика и психология регионального партстроительства. – СПб, 2006, 2,35/4,7 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)
5. Прогностические очерки практики выборов на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. – СПб, 2005, 1,8/3,6 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)
6. Бианки В.А. Психологические аспекты функционирования власти в сетевых структурах // Психология власти. Тезисы международной научно-практической конференции / Под ред. А.И. Юрьева. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2005, С.85-94, 0,45 п.л.



Бианки Валентин Александрович

Психология формирования политического пространства Санкт-Петербурга

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата психологических наук

19.00.12 – политическая психология

Подписано в печать 16.11.2006

Бумага офсетная.

Объем 1,2 печ.л.

Формат 60x84 / 16

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство “ЛЕМА”»